Опубликовано в журнале:

«НЛО» 2014, №5(129)

Новые книги

Калашникова О. Л. «СЕЙ РОД СОЧИНЕНИЙ ПЛЕНИТЕЛЕН...»: О РУССКОЙ ПРОЗЕ XVIII ВЕКА. - Днепропетровск: Новая идеология, 2013. - 340 с. - 500 экз.

Исследование О.Л. Калашниковой представляет собой опыт воссоздания общей картины эволюции русской прозы XVIII столетия — в первую очередь речь идет о крупных жанрах. Впрочем, это уточнение требует некоторых корректировок. В.В. Сиповский объединил всю прозу данной эпохи, дав единое обозначение «роман». О.Л. Калашникова оспаривает этот генерализующий подход, при котором вместе рассматриваются роман, повесть и сказка, однако в монографии содержится значимое указание: «„до сих пор не написана фундаментальная работа, посвященная системному и целостному анализу русской повести первой половины XVIII столетия» (с. 5). Далее речь идет о «трансформации самой жанровой формы повести, в которой последовательно накапливались и усиливались романские признаки» (с. 17).

Таким образом, вместо одной модели предлагается иная, но тоже содержащая упрощение литературного процесса. Впрочем, возможно, что новая схема описания окажется более уместной и логичной: «„в художественном сознании XVIII в. термин *“повесть”* еще не функционировал как жанровое определение, а использовался в значении синонима понятий *“роман”* и *“сказка”*» (с. 6). В рамках монографии рассматриваются сочинения Ф. Эмина, М. Хераскова, М. Чулкова, М. Попова, анонимных авторов — как привлекавшие внимание исследователей, так и не вызывавшие интереса у них.

В основу книги положена докторская диссертация, что заметно всякому читателю. Это касается и положительных сторон исследования (строгость хронологических рамок, учет работ предшественников, внятная общая структура), и сторон отрицательных.

Та определенность и системность, которая идеальна в диссертации, не всегда уместна в книге. И в некоторых разделах работы это особенно очевидно.

Возможно, очевидное для нас разграничение «повесть» — «роман» — «сказка» позволит приблизиться к пониманию генезиса жанра, в анализе которого О.Л. Калашникова почему-то не принимает во внимание фундаментальную монографию «Русская повесть XIX века», хотя там представлены некоторые установки, позволяющие вписать и роман XVIII столетия в историю прозаических жанров. Решение, предложенное в рецензируемой книге, представляется нам несколько наивным: «Конфликт героя и среды, отражавший реалии русской жизни того времени, тоже сближал произведения с романной моделью, ибо был обрисован в контексте любовного сюжета» (с. 8).

Все, конечно, не совсем так — в повестях (особенно в повестях конца XVII — начала XVIII в.) человек остается один, он «выключен» из привычного окружения, с этим связано и развитие сюжета, и его истолкование, а вот внимания героям повестей и романов автор монографии как раз и не уделяет. Неубедительным кажется и разделение романа и повести на основании читательских оценок. Да,

Содержание: От составителей; Стенограмма вечера устных рассказов «Приключения “текста” в условиях несвободы» (Библионочь в Международном Мемориале, 19 апреля 2013 г.); *Беленкин Б.* Все течет; *Сурикова О.* Поэзия на страницах журнала смогистов «Сфинксы»; *Паризи В.* На пороге неподцензурного слова. Паратекст самиздата на примере машинописного журнала «ЛОБ»; *Рублев Д.* «Перспектива» — журнал ленинградских левых; *Тушкин В.* Путь «Общины». Одна небольшая политическая группа и один самиздатский журнал как строители большой политической сети в последние годы СССР; *Поселягин Н.* Русскоязычная неофициальная периодика в Тарту в эпоху перестройки; *Струкова Е.* 90-Nostalgie, или Памяти краснокоричневого справочника; *Скрацук В.* Иркутский самиздат в XXI веке: между анархистами и православными; *Харитонова О.* Лесбийский самиздат 90-х; *Струкова Е., Леонтьев В.* Периодика протестного лагеря «Оккупай Абай»; *Макаров А.* Религиозные издательства и типографии в условиях советского подполья; *Котрелев Н.* Из истории христианской книжности при советской власти; *Кирснаускайте З.* Записки мученицы / Публ. А. Макарова; *Гордеева И.* Самиздат «толстовцев» 1920-х — начала 1930-х годов; *Заславская О.* Архивы самиздата.

Головачева И.В. ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ: ПОЭТИКА И ПРАГМАТИКА АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — СПб.: Петрополис, 2014. — 412 с. — 1000 экз.

Понимание фанатического в книге И. Головачевой основывается на концепциях Тодорова и Кайуа: «...форма репрезентации странного, чуждого, экстремального (избыточного или, напротив, дефицитного), ненормального, разрушительного, неустойчивого вместо стабильного, упорядоченного и поэтому легко познаваемого мира» (с. 16). Автор выделяет три разновидности фантастики, посвящая каждой из них отдельную главу: готику, научную фантастику и утопию. Структура первой главы, последовательно рассматривающей жанрообразующие темы призрака, двойника и монстра, отдает дань устоявшемуся восприятию, но в целом монографии недостает четкого обоснования понятия готики.

Ключевой фигурой готической части выступает Генри Джеймс, и это выводит исследование из поля стандартной таксономии и феноменологии в область новаторских экспериментов с точкой зрения, в конечном итоге давших одну их базовых идей постмодернизма — о множественности истин, высказанную еще в начале прошлого века братом писателя философом У. Джеймсом. Загадка повести «Поворот винта», над которой бьется не одно поколение читателей и исследователей (на самом ли деле в усадьбе Блай гости с того света пытались завладеть душами невинных детей или все пугающие события — плод большой психики их гувернантки?), воспринята как элемент метода, причем сразу в двух жанровых проявлениях. Во-первых, с точки зрения собственно фантастического/готического эффекта: «...именно “затемнение” и двойственность позволяют проникать в сферу непроизносимого, неслыханного, непостижимого и трансгрессивного...» (с. 71). Во-вторых, что важнее, в отношении разработки постулата об основополагающей невозможности окончательных однозначных ответов: «...и мистическая и галлюцинаторная версии “Поворота винта” были в равной степени предусмотрены Джеймсом, что и явилось причиной двойственности образов и колебаний в суждениях читателя» (с. 89). Примечательно, что подобную возможность неоднозначной трактовки И. Головачева

обнаруживает в шекспировском «Гамлете»: явление призрака отца и вся история с преступлением Клавдия могут быть плодом больной психики принца, и трагедия его не в бездействии, но в невозможности принять ни одну из версий реальности до конца, что сближает ее уже не с — привычно — декадансом, но с нашим временем. Исследовательница обращает внимание на примечательное сращение базового готического мотива с ведущей темой творчества Г. Джеймса: фантастический раскол личности на двойников-антагонистов происходит по национально-культурному основанию, американец-репатриант, ставший англичанином, противопоставляет своему «американскому варианту», «зримому воплощению альтернативной, добровольно не выбранной герою жизни в Америке» (с. 126).

Говоря о готике, невозможно не задаться вопросом о причинах ее активности и продуктивности в современной массовой культуре. И. Головачева видит причину и в кризисе традиционного гуманистического мышления («... человек сомневается в перспективности человеческого», с. 23), и в постепенном движении от глубинной ксенофобии («Угроза “чужого”, судя по всему, является непереносимым содержанием человеческого мышления», с. 150) к толерантности по отношению к чудовищу: «...монструозный дискурс современной литературы завершает длинный процесс слияния с Другим <...> радикальность противопоставления своего и чужого исчезает.» (с. 152— 153). Проблема понимания Другого, воспринимаемого как чудовище, — одно из идеологических оснований романа Мэри Шелли «Франкенштейн», который справедливо обозначен в книге как переход от готики к научной фантастике.

В попытке разобраться, что именно составляет своеобразие жанра научной фантастики, автор книги приходит ко вполне исчерпывающей и пригодной для конкретной работы формулировке: «НФ — это литература когнитивного остранения, которая рационально репрезентирует странный, но познаваемый мир, являющийся иным по отношению к миру, окружающему автора, и экстраполирует на новую реальность радикальные изменения, проистекающие из научно-технического прогресса или регресса» (с. 213). Обнаруживается и «идеальный» научный фантаст, оказавший огромное влияние на мировую НФ, чье творчество полностью удовлетворяет определению, — Айзек Азимов. Подробный анализ его творчества дает дополнительные подсказки к пониманию сути жанра: «...он поставил науку на службу вымыслу» (с. 222), «Идеи в большей степени, чем герои, составляют истинное содержание и смысл его текстов» (с. 227). Значительную часть современного научнофантастического дискурса составляют произведения, рассматривающие техногенные либо экологические варианты «конца мира» и существования человека в условиях постапокалипсиса. Пространный их обзор дает представление об объеме и разнообразии такого рода литературы. Вызывает некоторое удивление упоминание в генезисе апокалиптической тематики как американской НФ в целом, так и в отдельности Г.Ф. Лавкрафта, который заложил целый ряд современных научно-фантастических стандартов, а его творчество нагляднейшим образом демонстрирует преэминентность НФ по отношению к готическому мифу.

В фокусе третьей главы — Олдос Хаксли, убедительно вставленный в фантастическую парадигму, причем со всем его творчеством в целом, а не только с самым известным романом, взгляд на который в книге И. Головачевой оказывается неожиданным и занимательным. Произведения Хаксли увидены как разного рода утопии, причем если подобная атрибуция романа «Остров» вполне ожидаема, то подход к двум знаменитым эссе как к утопии психоделической изумляет свежестью и обоснованностью. По поводу романа «О дивный новый мир», традиционно именуемого антиутопией, И. Головачева высказывает мысль, которая обязательно

должна приходиться в голову любому думающему читателю, но отчего-то не очень распространена в аналитических работах по теме: «Никакой другой антиутопический текст не ставит столь остро вопрос о “ведомстве”, по которому его следует числить»

(с. 261). И задает ряд вопросов, возникающих «в ходе пристального чтения» — столь же напрашивающихся, сколь и не высказанных ранее: «Надо ли считать индейскую резервацию, изображенную писателем, полновесной антитезой новомирской цивилизации? Разве Новый Мир не есть воплощенная мечта каждого нормального человека? <.> Являются ли искренними сатирические нападки О. Хаксли на науку и технику? <.> Каким на самом деле было отношение писателя к психо-фармакологическим способам воздействия на сознание?..» и т.п.

(с. 262). Ответы на вопросы станут ясны, если взглянуть на роман не как на (анти)утопию (т.е. текст изначально дидактический), а как на научно-фантастический прогноз, картину вероятного будущего, в которой автора гораздо более волнует научная обоснованность экстраполяции, нежели нравоучение и/или обличение в духе Мора или Оруэлла. Обстоятельства жизни в Мировом государстве, где Бога заменил Форд, как то: неомальтузианство, евгеника, бихевиористское прокрустово ложе для личности, идеальный эскапистский наркотик, провозглашение либидо важнейшим законом общественной жизни, — оказываются не столь чудовищными и осуждаемыми для Хаксли после ознакомления со свидетельствами его обширного и глубокого интереса к естественно-научным и общественнонаучным теориям первой трети прошлого века. Сугубая антиутопичность романа «О дивный новый мир» была вчитана в него после Второй мировой войны, когда многие из довоенных теорий оказались скомпрометированы мировой катастрофой. Концепция расширения сознания к ним не относится, поскольку появилась под пером самого Хаксли только в 1954 г., но намечена в романе в феномене психофармакологического препарата сомы. Он, на первый взгляд, служит исключительно порабощению личности граждан Мирового государства, но при ближайшем рассмотрении и дальнейшем ознакомлении с творчеством Хаксли оказывается первым признаком психоделической революции, устремленной как раз к раскрепощению личности и грянувшей в 1960-х гг. во многом благодаря эссе Хаксли «Двери восприятия» и «Рай и ад». И. Головачева полагает психоделию «одним из самых губительных утопических проектов», для которого Хаксли «обозначил контуры самой опасной из индивидуалистических утопий» (с. 346). Увлекательный подробный рассказ об истории общения Хаксли с психомиметиками и их научными и литературными отражениями содержит некоторое обоснование такого негативного отношения: фармакологические эксперименты, во-первых, опасны для психики испытуемого, во-вторых, культивируют эскапистские практики. Однако значительность личности Хаксли, масса интеллектуального материала, стоящего за психоделическими теориями, визионерский пыл писателя, нашедшие отражение в книге И. Головачевой, перевешивают критику и оставляют ощущение сожаления о еще одной несчастливо затоптанной научной тропинке. Весьма основательный научный труд И. Головачевой вводит в русский дискурс широкий спектр ранее неизвестных фактов и мнений американских и британских социальных мыслителей, литературоведов и биографов. Временами настораживает стилистика, в некоторых разделах (с. 153—156, 300—317) она скорее публицистическая, чем научная, свидетельствующая о не совсем тщательной языковой подгонке материалов, послуживших основой для книги.

Г. Заломкина

Благодарим книжный магазин «Фаланстер» (Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27; тел. 7495-749-57-21) за помощь в подготовке раздела «Новые книги». Просим издателей и авторов присылать в редакцию для рецензирования новые литературоведческие монографии по адресу: 129626 Москва, а/я 55. «Новое литературное обозрение».

© 1996 - 2013 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)